

XIII

Так говорил толпе Аладдин, и его кровавые повеления, дойдя до слуха христиан, распространяют между ними ужас. С унынием и сокрушением они уже видят перед собой смерть и не осмеливаются ни на защиту, ни на бегство; не смеют ни умолять, ни оправдываться. Колеблясь в страхе, все предаются отчаянию; но неожиданно к ним является спасение оттуда, откуда они могли менее всего ожидать.

XIV

Была между ними дева в зрелом цвете лет, с душой, проникнутой царственными помыслами, и необыкновенной красоты; но она не заботилась о своей красоте, или заботилась настолько, насколько то позволялось целомудрием. Ее совершенство состояло в том, что она умела скрывать свои достоинства в стенах своего скромного обиталища, и жила одна, никем незнамая, скрываясь от взоров, похвал и домогательств юношей.

XV

Но нет такой ограды, за которой могла бы укрыться красота от дани изумления! И ты, о любовь, не согласишься на то! Нет! Ты и открыла скромное убежище девы пылким страстям одного юноши. Любовь, иногда слепая, иногда стоголазая, как Аргус,

иногда с повязкой на глазах, иногда дальновидная и пронзительная, ты ведешь нежное сердце к предмету его обожания сквозь тысячи препон, в глубину самого таинственного убежища.

XVI

Их имена: Софрония и Олинд¹; они родились в одном городе и были одной веры. Как был он скромен, так она прекрасна; многого желает Олинд, мало надеется и ничего не требует; он или не знает как, или не осмеливается открыть перед ней свое чувство. Софрония же или не видит, или не понимает, или пренебрегает его любовью. Так до сих пор несчастный Олинд старался услужить ей, оставаясь незамеченным, непонятым или отверженным.

XVII

Между тем разносился слух о близости часа, когда будет поражен весь христианский народ. Великодушной и доблестной Софронии приходит на мысль спасти своих сиповерцев; мужество возбуждает ее, но стыдливость удерживает; наконец мужество одерживает верх, или, лучше сказать, вступает в союз и делается стыдливым в то время, как стыд приобретает мужество.

¹ Об исторической основе этой легенды см. выше.

присоединены две песни, посвященные действиям христианского флота в эпоху осады Иерусалима, чего не доставало в первой поэме. Но эта последняя вставка есть единственное место, достойное внимания в переделке. «Освобожденный Иерусалим», как он вылился целиком из вдохновения поэта, остается гораздо выше ученой его переработки в форме «Завоеванного Иерусалима», и первая поэма составляет всю славу Тассо, несмотря на то что его современники и сам поэт отдали преимущество последней.

Такие произведения, как «Освобожденный Иерусалим», стоят в особенном отношении к историческому факту, который им служит только, так сказать, поводом. Крестовые походы в XVI столетии оставили по себе смутные воспоминания в народном воображении, и Тассо отлил их в ясный образ и сделал в первый раз народным достоянием. Поэтому «Освобожденный Иерусалим» имеет для европейского мира то же значение, какое имела «Илиада» для греческого мира. Гений поэзии является творцом второй истории, и к Тассо можно по этому случаю применить слова другого великого поэта, Гете: «*Du nur, Genius, mehrst in der Natur die Natur*».